
**ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Владимир Чисников

(г. Бровары, Киевская область, Украина)

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ АГЕНТА
«БЛОНДИНКИ»**

Родился в 1948 году г. Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Автор, соавтор и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений, Международных Толстовских конгрессов и Толстовских правовых чтений. Печатался во многих журналах.

Среди объектов, требующих пристального внимания тайной полиции царской России, фигурировал и Лев Николаевич Толстой. «Недреманное око» сначала III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии, а затем сразу трех полицейских ведомств — Тульского губернского жандармского управления, Московского охранного отдаления и Департамента полиции — держало его «под колпаком» на протяжении полувека и особенно пристально — последнее тридцатилетие. Тайная полиция периодически засылала своих агентов под видом посетителей, «искателей истины», просителей не только в московский дом Толстых, но и в Ясную Поляну. Лев Николаевич не давал покоя царской охранке даже после своей смерти.

«Блондинка» в Ясной Поляне

Не прошло и двух недель после похорон писателя, как начальник московского охранного отделения полковник П. П. Заварзин получил зашифрованную телеграмму от директора Департамента полиции Н. П. Зуева. В ней предлагалось немедленно командировать двух опытных, толковых сотрудников в Ясную Поляну с поручением посетить могилу писателя и имение его ближайшего сподвижника В. Г. Черткова и

выяснить «характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черткова». Начальник московской охранки посчитал, что для выполнения полученного поручения достаточно будет и одного толкового секретного сотрудника — недавно завербованного им агента по кличке «Блондинка».

В тот же день полковник телеграфировал столичному начальству: «Исполнено. Сведения могут быть дней через пять». И, хотя для «Блондинки» это было первое серьезное задание, Заварзин был уверен, что агент успешно справится с ним. Характеризуя его начальству, он писал, что «Блондинка», как литератор, «...безусловно правдив и весьма развит, имя же его пользуется некоторой известностью в литературных кругах Москвы, Киева и Одессы. Эти качества дают ему, при наличии желания с его стороны, полную возможность быть полезным сотрудником отделения».

В понедельник, 22 ноября 1910 года, «Блондинка» утренним московским поездом отправился в Ясную Поляну. Сбор информации он начал уже в пути: беседовал с кондукторами в вагонах, поговорил с жандармским унтер-офицером на станции Козлова Засека, расспрашивал возницу, добираясь на телеге в Ясную Поляну. «Толковые ответы, к которым можно отнести с доверием,— писал впоследствии агент в своем донесении,— давал служащий в Тульском казначействе Василий Зябрик, гостивший в эти дни в Ясной Поляне, хозяин избы, где я остановилась,— Прохор Зябрик, уравновешенный и положительный мужик, а также очень разговорчивая, а потому ценная, его жена».

Заслуживающие внимания сведения, по словам секретного сотрудника, ему удалось почерпнуть «из живой перекрестной беседы» с яснополянскими бабами и ребятишками, а также крестьянами, собиравшимися в избе Прохора Зябрика.

Посетив могилу Толстого, «Блондинка» побывал в доме, где довольно продолжительно беседовал с лакеем, Т. А. Кузьминской (сестрой С. А. Толстой), а также племянницей писателя, «которая была очень любезна и словоохотлива во время осмотра толстовского дома». Расписываясь в книге посетителей, секретный сотрудник внимательно просмотрел ее, однако в записях за последние дни недели ему «не удалось заметить мало-мальски видных имен».

Имея из Москвы рекомендательное письмо, «Блондинка» посетил домашнего врача Толстых Д. П. Маковицкого, с которым беседовал дважды. Получив от доктора рекомендательное письмо, секретный сотрудник отправился в деревню Телятинки, к Черткову, где ему был оказан «теплый доверительный прием». Кроме Черткова он беседовал с его сыном, а также бывшим секретарем Толстого В. Ф. Булгаковым, который являлся «проверочной инстанцией услышанного от Черткова и его сына».

Чтобы охватить наблюдением наиболее обширный район, агент объехал почти все деревни, примыкающие к Ясной Поляне, побывал в сельце Ясенки, на хуторе дочери писателя Т. Л. Сухотиной-Толстой и возвратился в Москву.

Через два дня «Блондинка» представил своему шефу обширное, состоящее из трех разделов, агентурное сообщение, где очень подробно излагалась информация по всем интересующим охранку вопросам. «Могу констатировать,— отмечал агент,— что влияние идей Толстого и следы пропаганды чувствуются на каждом шагу, особенно среди деревенской молодежи».

Ввиду особой ценности добытых сведений, агентурное сообщение «Блондинки» было представлено лично министру внутренних дел П. А. Столыпину. Петр Аркадиевич, прочтя документ, обратил внимание на особенность стиля «Блондинки»: в некоторых местах автор сбивается и говорит о себе то в женском роде, соответственно псевдониму, то в мужском, согласно действительности.

Кто Вы, господин «Блондинка»?

После февральской революции 1917 года, когда стали доступны архивы Департамента полиции, удалось установить личность секретного сотрудника московской охранки, скрывавшегося под интригующей кличкой «Блондинка». Им оказался журналист, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль», а затем «Русского слова» Иван Яковлевич Дриллик.

...Сохранившиеся материалы наблюдательного дела «Блондинки» дают возможность узнать о «падении» известного журналиста И. Я. Дриллика и тех методах и тактических приемах агентурной работы царской политической полиции, которые применялись для вербовки секретных сотрудников.

Итак, в октябре 1910 года чиновниками московского «черного кабинета» было перлюстрировано письмо, отправленное из Москвы 9 октября в Киев литератору А. К. Закржевскому. Автор письма, в частности, писал своему корреспонденту: «...Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, к счастью, окончательно оставил и теперь пишу Вам из Москвы, где я уже вторую неделю. Выбросила меня из Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грехи у меня теперь очень сложные счета с администрацией (подлежу ссылке в Томскую губернию). Если бы я не улизнул из Одессы вовремя, то теперь бы уже гулял по этапу в сии неприветливые страны. Выручил, однако, случай: как раз в тот момент, когда в Одессе пришли меня арестовать, я был в Петербурге и только потому теперь на свободе. Естественно, что у меня нет ни малейшего желания быть обывателем Томской губернии, а потому я и перешел на нелегальное положение. Думаю продержаться таким образом до тех пор, пока путем страшных хлопот не удастся добиться отмены ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи с «Одесским листком», а там будет видно, что Бог даст. Адресуйте мне так: Москва, 9 почт. отд. до востребования. Владимиру Павловичу Матвееву».

Спустя несколько дней копия этого подозрительного письма лежала на столе директора Департамента полиции Н. П. Зуева, который наложил на нем резолюцию: «Выяснить его». Тотчас же указание установить автора письма были направлены начальникам Московского, Одесского и С.-Петербургского охранных отделений. И уже 14 ноября начальник московской охранки жандармский полковник П. П. Заварзин доложил Департаменту полиции, что «по документу на имя Владимира Павлова Матвеева проживал в Москве с 22 августа Иван Яковлев (Морицев) Дриллик, родился в 1879 году, журналист, лютеранин, который был обыскан и арестован».

На допросе в охранке нелегал «Матвеев» показал, что в действительности он Иван Яковлевич Дриллик, бывший сотрудник газеты «Киевская мысль». Скрываться от властей вынужден был из-за своей газетной статьи, которую цензура посчитала «крамольной». Решением Киевской судебной палатой он был присужден к заключению в крепости на один месяц. Однако, на его беду, он оказался австрийским подданным и, как опороченный по суду иностранец, не имеющий связи с отечеством, его по постановлению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора подвергли ссылке в Томскую губернию. Чтобы избежать наказания, он вынужден был податься в бега и проживать в Москве по нелегальному паспорту.

Допрашивавший его опытный агентурист Заварзин, выслушав чистосердечную исповедь Дриллика, поставил перед ним условие: или ссылка по этапу в Сибирь, или жизнь в Москве на положении секретного сотрудника. Иван Яковлевич, реально оценивая сложившиеся обстоятельства, прекрасно понимал, что в случае отказа сотрудничать с охранкой его ожидают в будущем не очень радужные перспективы, поэтому без особых колебаний выбрал последний вариант. В целях конспирации новоиспе-

ченному секретному сотруднику — мужчине, жгучему брюнету был присвоен нежный женский оперативный псевдоним «Блондинка»

Относительно кличек секретных сотрудников, то в жандармской Инструкции по ведению внутреннего наблюдения (1914 г.) указывалось: «По приеме секретного сотрудника, осведомителя или розыскного агента ему надлежит, в видах конспирации, присвоить определенный псевдоним (кличку), под которой он числится на протяжении всей своей службы в агентуре... Для кличек берутся короткие фамилии, имена и названия, причем воспрещается избирать клички, фамилии офицеров корпуса жандармов, равно начальствующих лиц какого бы то ни было ведомства и рекомендуется не брать кличек исключительно употребляемые имена («Иван», «Ваня», «Николай», «Коля», «Александр» и т.п). Не возбраняется именовать мужчин женскими именами и наоборот» (? 35).

18 октября 1910 года полковник Заварзин сообщил в столичный департамент, что «арестованный 14 октября Дриллик на основании чисто агентурных соображений из-под стражи освобожден».

Заметим, на сленге оперативников подобный прием привлечения к секретному сотрудничеству называется «вербовка на компре», т.е. на компрометирующих материалах. По мнению Департамента полиции, такой прием являлся «наименее надежным средством» приобретения агентуры, ибо лица, согласившиеся стать секретными сотрудниками под влиянием угроз, «...впоследствии, одумавшись, в большинстве случаев изменяют своим обещаниям». Поэтому охранникам рекомендовалось, что успех в приобретении агентуры может быть только «...в настойчивости, терпении, сдержанности, такте, осторожности, мягкости, осмотрительности, спокойной решительности, вдумчивости, в умении определять характер собеседника и подметить слабые и чувствительные его стороны, в умении расположить к себе человека и подчинить его своему влиянию, в отсутствии нервности, часто ведущей к форсированию».

Как показали дальнейшие события, Иван Яковлевич «не одумался» и «не изменил своих обещаний», данных охранке. Выйдя на свободу, он без особого труда устроился работать в популярную московскую либеральную газету «Русское слово», которая располагалась в доме «Товарищества Сытина» на Тверской. Так Дриллик-«Блондинка» становится заведующим петроградским отделом газеты.

Вскоре талантливый и популярный журналист появляется в лучших домах Москвы, где собирались писатели, журналисты, художники, актеры, а так же деятели нового вида искусства — кинематографа. В этот начальный период агентурной деятельности «Блондинки» его шеф, полковник Заварзин, докладывал столичному начальству: «...Даваемые Дрилликом сведения по общественному движению и левому крылу конституционно-демократической партии очень ценны, а в будущем это лицо обещает быть еще более полезным, так как ему, как литератору, доступнее многие общественные круги».

...Приемник Заварзина полковник А. П. Мартынов, возглавивший московскую охранку в 1912 году, в своих воспоминаниях посвятил несколько страниц И. Я. Дриллику — одному из лучших своих секретных сотрудников. По его утверждению, Иван Яковлевич был «высокий, красивый брюнет с аккуратно подстриженной бородой». Бывший жандарм характеризовал его человеком очень развитым и интеллигентным, который интересовался не только одной политикой, но и хорошо разбирался во всех вопросах, относящихся к искусству, литературе, театру, прессе. В Москве он знал всех сколько-нибудь выдающихся общественных деятелей. Благодаря ему, Мартынов был прекрасно осведомлен не только о внутреннем распорядке в редакции газеты, о сильных и слабых сторонах наиболее видных ее сотрудников, о их взаимоотношении-

ях с издателем И. Д. Сытиным и редактором В. М. Дорошевичем, но и о всем том, что обсуждалось, критиковалось и решалось в коллективе редакции. По утверждению мемуариста, он отлично знал общественное настроение москвичей, поскольку оно находило отражение как в газетных репортажах, так и в материалах, выброшенных в редакторскую корзину. Ему были известны суждения, высказываемые на закрытых заседаниях кадетских деятелей, Военно-промышленного комитета, различных общественных группировок, а также настроения земских и городских деятелей и т.д.

Говоря о Дриллихе, бывший охранник Мартынов отмечал, что Иван Яковлевич был человеком «с определенным уклоном в сторону государственности» и своим положением в качестве секретного сотрудника вовсе не тяготился. Их деловые отношения «носили легкий и... приятный характер». Дриллих был замечательным собеседником, спокойным и воспитанным человеком, большим эрудитом и любителем поговорить не только исключительно на политические темы, поэтому его конспиративные свидания с «Блондинкой», как правило, затягивались. На конспиративную квартиру Иван Яковлевич приносил с собой «прекрасно написанные доклады», в которых предлагал вниманию начальства различные «предупредительные» меры к «обузданию» газетчиков или «негласному влиянию» на печать и т.п. Эти доклады почти без всяких поправок Мартынов отсылал в Департамент полиции. «Блондинка» был одним из наиболее высокооплачиваемых агентов Московского охранного отделения. Его ежемесячная зарплата составляла 150 рублей — деньги по тем временам немалые.*

Однако, грянула февральская революция 1917 года... В день отречения Николая II от власти полковник Мартынов, у которого на связи было восемь особо важных секретных сотрудников, предупредил их о грозящей опасности и приказал исчезнуть из города. Личные дела секретных агентов он изъясил из своего сейфа и уничтожил.

В тот же день Иван Яковлевич пришел к редактору газеты и сказал, что ему для сбора материалов необходимо срочно ехать в Петроград, где происходят все главные революционные события. Следующим утром он уже был в столице, а оттуда поезд умчал его в Финляндию...

Казалось бы, факт сотрудничества «Блондинки» с Московским охранным отделением останется для широкой общественности тайной за семью печатями. Однако Дриллиху не повезло: во время разбора документов Департамента полиции на Гороховой, в Особом отделе было обнаружено его наблюдательное оперативное дело (12 страниц). Оно и поступило в распоряжение Комиссии по обеспечению нового строя, которая занималась расследованием деятельности охранных отделений. Так как обнаружить Дриллиха на территории России не удалось, на титульном листе его дела был поставлен штамп «Не разыскан».

В 1919 году член Комиссии по обеспечению нового строя С. Б. Членов издал книгу «Московская охранка и ее секретные сотрудники», где в качестве приложения был помещен список секретных сотрудников Московского охранного отделения, опубликованных Комиссией. Среди 115 сексотов под № 32 указывался: **Дриллих Иван Яковлевич** (кличка «Блондинка»). Далее сообщалось, что он сотрудник газет «Киевская мысль» и «Русского слова». Состоял на связи у начальника Московского охранного отделения полковника Мартынова. Вращался в прогрессивных кругах, главным образом, среди кадетов, давая точные сведения не только о их заседаниях на частных квартирах, но и работе и настроениях в комитете партии. От него поступала

---

* Для сравнения отметим, что армейский подпоручик после окончания военного училища, на первых порах службы в полку получал девяносто рублей, а командир роты, капитан, — сто двадцать.

информация о собраниях в редакциях газет «Русские ведомости» и «Эрмитаж», об отношении общественных деятелей к правительственной политике, к выборам в Государственную Думу.

Дриллик так же информировал охранку о проходивших в Москве всероссийских общественных съездах, о деятелях народного образования, о лекциях общества народных университетов (1911—1912 г.г.), о политических консультациях либералов и социал-демократов на совещаниях, созванных по инициативе фабриканта-прогрессиста А. И. Коновалова, о докладе одного из лидеров кадетской партии С. Н. Прокоповича в союзе городов (1914 г.), о поездке общественных деятелей за границу, о подготовительной работе к кооперативному съезду (1916 г.) и т.д.

В заключение уместно будет сказать, что, как отмечают историки, сопоставление донесений Дриллика периода первой мировой войны с документами кадетской партии показало, что в угоду заказчикам информации из охранки, он намеренно преувеличивал степень оппозиционности кадетов, «...нередко сообщая недостоверные и просто фантастические сведения».

Борис Рябухин
(г. Москва)

**О КИНОПОВЕСТИ ПИСАТЕЛЯ
ИГОРЯ НЕХАМЕСА «БОРОДАТЫЕ БОГИ»**

Наш постоянный автор. Член Союза писателей и член Союза журналистов.

Кто такие Бородатые Боги? Да все боги бородатые. И у Христа есть борода. Но на Острове Свободы для каждого кубинца это — облик Фиделя Кастро.

* * *

Читаем главный эпизод этой повести: «Всех стали рассаживать по автобусам. Андрей вдруг почувствовал, как большая сильная ладонь легла на его голову и погладила. Андрей понял, что это был тот самый высокий сильный мужчина в костюме защитного цвета.

Он услышал приятный баритон: «Ола! Советские дети! Здравья и счастья».

Андрей тогда не знал, что это был команданте, руководитель Республики Куба Фидель Кастро Рус, который специально приехал, отложив все государственные дела, чтобы лично встретить советских детей».

А праздник этот — со слезами на глазах.

Завязка действия: в районном центре Брянской области у супругов Наумовых, Валерия и Валентины, сын Андрюша, 10 лет, заболел от облучения во время рыбалки в день взрыва на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года.

Не поверите, но мне, в то время обозревателю отдела русской литературы «Литературной газеты», за несколько недель до трагедии пришлось прочитать пришедшее в редакцию письмо, предупреждающее об несчастье. Написал его один из работников АЭС (куда только он не обращался до этого!) инженер Писарев. Я хорошо запомнил фамилию, потому что у меня был школьный друг Писарев. Специалист предупреждал, что накопившиеся недостатки в организации эксплуатации электростанции могут привести к трагедии, если не принять меры. Не верилось. Сколько напрасных кляуз приходило в газеты.

Не верилось жителям райцентра, в том числе и родителям мальчика Андрея, в нагрянувший ужас. Не верилось первое время и стране. Телевизор молчал.

И лишь только 14 мая 1986 года — спустя 20 дней: «Важное правительственное сообщение. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев».

Текст автора переходит на хронику: «Произошла авария на четвертом энергоблоке, радиация распространилась не только в зоне Чернобыльской аварии, но и задела ряд областей Российской Федерации, Белоруссии и Молдавии. Есть погибшие, раненые, тяжелобольные».

Драматизм действия расширяется. Реплики героев повествования вызывают сочувствие и возмущение:

«Валентина Павловна (сквозь рыдания): — Мы что, рабы какие-то? Почему нам так поздно сказали? Почему медицинскую помощь не оказали? Почему на нас наплевали? Ведь мы все ради детей живем!»

Врачи и родители отчаянно борются за детей замороженными средствами. Пока эта махина страны преодолеет инерцию — принять действенные меры спасения народа от трагедии.

Не случайно автор начал с показа жизни на железной дороге: мелкое дело неудавшегося воровства чемодана тянулось долго и бестолково. А потом в сюжете повести эти средства сообщения и принятия мер потянулись на железнодорожных тормозах.

Отец Андриюши поехал сам за лекарствами и советами в Москву.

Но сказывались на спасении и наши грехи.

Вот через силу, чтобы не считали его инвалидом, мальчик отправился в школу на коляске. Но люди боялись от него заразиться, показывает умело автор: «Таечка хотела пожать руку Андрею, но идущая рядом с ней бабушка ловко выхватила у нее букет и передала девочке в другую руку, а сама схватила Таю за левую руку и потащила вперед. Она пробормотала что-то нечленораздельное, но Валерий распознал. Бабушка сказала: «Не трогай гнилушку, Тая! Все одно конец будет».

Валерий аккуратно поставил коляску с сыном и замер в напряжении: их здесь не ждали. Здесь были только здоровые дети».

Интересно выбрана в таком художественно-документальном повествовании и форма дневника матери. Уже 12 книжек записей. Так можно без изысков сказать просто и важно: «25 ноября 1987 года Валентина Павловна (пишет): «Позвонила мне сегодня Тамара и сообщила, что ЦК КПСС поручил Минздраву СССР начать работу по лечению пострадавших от Чернобыльской аварии. Необходимо взять на учет всех граждан из пострадавших областей России, Украины, Белоруссии и Молдавии, а особенно — детей».

Только еще раскачались. Организованная группа врачей появилась в доме Андриюши:

«Руководитель медицинской группы: «А знаете, почему ваш мальчик до сих пор... (он сглотнул воздух, поняв, что может сказать лишнее, и вывернулся) успешно противостоит болезни и склонен к выздоровлению? Лечение назначено на очень хорошем уровне. Я приятно удивлен». Хорошо, что отец в Москве нашел специализированную больницу и купил дорогие лекарства — золотые часы отдал.

Потом решили его устроить в Центральную московскую больницу, что у метро «Красногвардейская». Наконец, Министерство здравоохранения СССР: мать записалась на прием к министру: «Прием с четырнадцати часов. Мой номер третий. Спецочередь. Фамилия министра Чазов Евгений Иванович. Недавно назначен. Очень советливый, доброжелательный человек».

Мать бьется за здоровье своего ребенка. Но не все одобряют. В доказательство дан в книге яркий эпизод с местным чинушей.

За хлопоты матери за жизнь сына выговорил бывший ее одноклассник, а теперь местный руководитель Баклажкин: *«Баклажкин продолжил: «Тут нам в очередной раз из обкома партии позвонили. Вы все письма в разные инстанции пишете. Наш район по этому показателю считается неблагополучным. Я понимаю, что у вас в семье драма, ребенок на последнем издыхании, но это не дает вам право подводить район. Общественное нужно ставить выше личного. А вы даже в ЦК партии написали о том, что вашего сына плохо лечат и не могут излечить».*

Благодаря своей настойчивости, она добилась того, что ей приходит письмо следующего содержания: «Уважаемая Валентина Павловна! Наконец-то нам удалось заключить соглашение с Республикой Куба на массовое излечение детей и некоторых взрослых, подвергнувшихся радиационному облучению. У нас состоялась коллегия Минздрава СССР, где персонально были утверждены дети первой группы. В марте 1990 года они вылетят на Кубу на лечение. Потерпите, пожалуйста, еще немного и вашего сына обязательно вылечат».

На втором листе письма была выписка из решения коллегии Минздрава. Там были указаны телефоны, куда обратиться, какие документы подготовить для выезда на Кубу.

Она замолкает, чтобы не расплакаться».

Или вот это прощание детей с родителями в аэропорту Шереметьево перед вылетом на Остров Свободы.

«Андрей: «Мама! Ты меня не бросаешь? Я живым вернусь обратно? Я сейчас вспомнил, как я сидел в комнате, смотрел телевизор, а двери в коридор и на кухню были приоткрыты. И как тебе тетя Тамара, мама Витюшечки, говорила, чтобы ты меня никуда не посылала. Мол, какой бы ни был, а все равно самое родное — сын. А если что и случится, то она с тобой вместе на могилы ходить будет. И говорила, что возле Витюшечки место есть. Мам! А если я умру, то тебе тело отдадут потом?»

Лицо Валентины Павловны закаменело».

Такие сцены не могут не тронуть за душу, если она есть.

Хорошо, что автор выбрал хронику борьбы за здоровье одного мальчика. И в этой повести, как в капле росы отражается мир, видна судьба тысяч светящихся от радиации подранков.

Наконец, драматизм достигает апогея. Андрей приезжает в Гавану, на Кубу.

«Денис: «Отряд «Несломленные»! Равняйся! Смирно! (Поворачивается в коляске к вожатому, нахлобучивает фуражку и левой рукой отдает честь). Вожатый Евгений! Отряд «Несломленные» к поездке построен. В строю 137 человек. И плюс мы с Андреем».

В кубинском пионерском лагере в местечке Тарара разместился центр по лечению советских детей, пострадавших от чернобыльской аварии.

Панорамной экскурсией автор знакомит читателей с Кубой, отмечая самое главное:

«Эдуардо (посерьезнев): «Хочу сказать тебе, молодой советский друг, что Куба богата друзьями, у истоков нашей дружбы стоят пламенные борцы за свободу людей: Че Гевара, Хосе Марти и два наших брата-руководителя Фидель и Рауль Кастро. А вместе с ними их соратники».

Вот они — Бородатые Боги.

Не могу не сказать о буквально мифическом соприкосновении моей судьбы с излагаемой темой. В те трудные переломные годы в нашей стране я семьями дружил с супругами Жуковыми. Он — партийный деятель, она — врач. Они успешно организовали в 1992 году свой Центр восточной корейской медицины. Наталья Сергеевна Жукова возглавляет его до сих пор (после смерти мужа) со специалистами из КНДР, в том числе по лечению детей с ДЦП (детский церебральный паралич).

Виктор Петрович Жуков, бывший работник комсомола и партии, рассказывал мне о своей организационной работе на Кубе, показывал свое удостоверение, подписанное Фиделем Кастро. Он буквально был влюблен в этого героя двадцатого века.

Хотя в тот период времени отношения между нашими странами осложнились. Но доброе дело кубинских врачей было настоящим гуманитарным подвигом в мире. У

них были лекарства, методики и оборудование для лечения зараженных радиацией советских детей. А в это же время не хватало денег даже на полноценное питание кубинцев.

Из дневника матери Андрея узнаем, что 30 апреля 1990 года в лагерь Тарара приехал Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Республике Куба Юрий Владимирович Петров. Он прошел по корпусам, беседовал с ребятами. Рассказал о том, что положено начало одному из самых гуманных поступков, которые знает история. Эту идею Фиделя Кастро осуществляют кубинские врачи. Андрею пришлось возвращаться на Кубу на долечивание, чтобы победить болезнь. Все не так просто.

Мать его тогда получила письмо, написанное с орфографическими ошибками, но понятное для чтения:

«Уважаемая русская мать! К вам обращается Виолетта. Учю русский и знаю, как пишу. Я — психолог в детском центре Тарара. Здесь мы лечим советских детей. Вашего сына тоже. Он три раза рисовал рисунки по важным темам: «Какой я вижу маму», «Какой я вижу наш дом», «Во что я верю».

Опять самое главное сообщается текстом хроники:

«За период с 29 марта 1990 года по сегодняшний день Куба излечила 24471 больного, 20419 из которых — дети. Все они получили медицинскую помощь на Кубе, где им были бесплатно предоставлены все самые передовые достижения медицинской науки и где они получили самое искренне тепло кубинских врачей, психологов, медсестер, помощников-волонтеров, учителей и спортивных инструкторов.

Потом благодарная Россия списала с Кубы долги.

А вот как показывает автор благодарность Андрея кубинским врачам. Этот поступок — признание в любви:

«Он ходит вокруг здания и что-то ищет. Вдруг его лицо расплывается в счастливой улыбке. Мальчик увидел стремянку. Лестница тяжелая, но он самоотверженно, как и подобает боевому муравью, сначала подтаскивает лестницу по земле, а потом ему удается прислонить ее к стене. Окно в палату приоткрыто. Мальчик наступает на нижнюю ступеньку, чтобы подняться вверх, но потом замирает. Оглядывается вокруг и видит красивую цветочную клумбу. С краю растет красивый пион. Андрей осторожно отламывает стебель, вставляет цветок за пазуху и медленно начинает подниматься.

Лестница заканчивается. Но рукой он может достать до подоконника. Андрей с величайшей осторожностью вытаскивает цветок и кладет его на подоконник. Все. Дело сделано!»

Казалось бы, кинофильм о такой мировой трагедии, как Чернобыль, должен показать ужас великих взрывов и разрушений.

Ведь эта беда — не на один день или год, а на сотни лет.

Ведь это гибель не только тысяч защитников и героев, а нескольких будущих поколений.

Но драматизм замысла киноповести Игоря Нехамеса «Бородатые Боги» не просто в гибели детей, а в смерти будущего, детей человечества. Это будущее — беззащитно из-за наших ошибок, халатности, некомпетентности (даже не знали сначала, чем гасить пылающую атомную электростанцию, и первые защитники применяли средства, разжигающие гибельную беду, а не гасящие ее).

Так что выбор темы о спасении облученных Чернобыльской бедой детей очень

ценен. Этим автор показывает, насколько губительна и долговечна для человечества Чернобыльская геенна.

Трагическая музыка сюжета требует строгого повествования — без изысков и украшательств, сухой речи правды, потому что речь идет о спасении жизни на земле. Автор — не просто писатель, поэт, журналист, он еще адвокат, и его знания законов права делают содержание поступков героев выверенными и справедливыми. Ведь не «скорую помощь» надо было вызвать к своему погибающему на глазах ребенку, а найти уникальную в мире методику лечения от этого ужаса, договориться и вывезти десятки тысяч зараженных людей на другой континент за десятки тысяч километров в дружественную нам страну — Кубу к врачам, подготовленным к подвигу милосердия.

Кубинские медики излечили и героя повести, мальчика Андрея, и всех остальных детей, проживавших в ряде областей РСФСР, Белоруссии, Украины и некоторых районах Молдавии. Ни одна страна в мире не сумела тогда обеспечить комплексное массовое спасение подвергшихся радиационному излучению людей. Только Республика Куба обеспечила реализацию этого грандиозного проекта. И лечили детей совершенно бесплатно.

Киноповесть «Бородатые Боги» стала памятным свидетельством совместного подвига кубинских медиков и советских детей, достойным символом дружбы между нашими народами.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

По сложившейся традиции в декабре месяце 2017 года члены редколлегии Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» подвели итоги литературных публикаций в журнале за 2017 год и назвали имена лауреатов Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2017 год. Одним из лауреатов премии в номинации «Поэзия» за цикл стихотворений «PERSONALIA» стал поэт Валерий Кулешов.

Заместитель главного редактора — зав.отделом прозы журнала Геннадий Маркин предлагает читателям публикацию, в которой высказывает свою точку зрения на творчество Валерия Кулешова, а также беседует с ним, о его стихах, жизненных перипетиях и, конечно же, о литературе.

ТУГИЕ УЗЛЫ ВАЛЕРИЯ КУЛЕШОВА

*Во времени спутаны корни,
но каждый свое наберет,
что было — отчаянно помня,
что будет — узрев наперед...*

(В. Кулешов, из стихотворения
«За каждую строчку — расплата...»)*

Творчество поэта Валерия Кулешова никак нельзя назвать веселым, легкомысленным или, хуже того, — одноразовым. Он пишет не на забаву дня, а потому его произведения тяжело понять, а еще тяжелее — вникнуть в философию автора.

Да, созданные им образы не каждый читатель сможет сходу расшифровать. Но тот, кому все-таки удастся подобрать ключик к этому шифру, открывает для себя особый мир его творчества, глубину мыслей; и та глубина — бездонна! Глубина — космическая! Погружаясь в нее, открываешь для себя великую тайну, от которой — становится страшно. Страшно от того, что прикоснулся к таинству Вселенной, таинству Мироздания, таинству человеческого бытия и нового познания самого себя.

*Воспряли разом голоса
неведомых людей,
во всеобъемлющих глазах
себя — я разглядел...
(из поэмы «Зов»)*

---

* Здесь и далее в тексте будут приведены стихотворения В. Кулешова.

Разглядеть себя сложно, как и сложна борьба с самим собой. Борьба за очищение себя от скверны и разложения, а значит — за спасение себя от духовной, а вследствие этого, — и телесной гибели. И такая борьба — всегда страдание и боль. Страдание от пережитого ранее, боль от того, что еще предстоит пережить. Валерий Кулешов эту боль видит, он ее чувствует всем своим сердцем, она стонет в его душе, криком отзываясь в стихах:

*Я вижу поле: на меже
топанье темных толп,
людьми не пахнет, и уже
наметил прорву столб.*

*«Своим отпетым — помоги...»
Но всхлипывает топь:
пустые месяц сапоги
былых хозяев плоть.*

*Я вижу небо: ни души
впредь не взойдет на круг,
меня, конечного, тушить
ввысь занесен каблук.*

*И грянул он. Под ним на спектр
рассыпав боль свою,
во мне исхода ищет свет:
я и в земле горю...*

И горение это — не проходит бесследно. Жар и свет, идущие от него, направлены в будущее, согревая и высвечивая иные дни:

*Я вижу время: от меня
оно берет отсчет,
моим огнем воспламенясь,
вконец концов течет.*

*Но не сойти ему на нет,
верша огневорот,
оно опять в тугом узле
меня — мне отдает.*

*Я вижу долю: на семи
мне полыхать ветрах.
Я поднимаюсь от земли
за совесть, не за страх.
(из поэмы «Зов»)*

Чем-то тревожным веет от этих строк, чем-то — страшным. И хочется закрыть книгу, убрать ее в дальний ящик стола. Хочется, но что-то неведомое останавливает, какое-то магическое чувство вновь и вновь притягивает к поэме; и заново раскрываешь книгу, и вчитываешься, и вдумываешься в эти философские, пророческие слова.

И здесь необходимо привести стихотворение, явившееся как бы предтечей «Зова» (написано за несколько месяцев до начала работы над поэмой):

*Похоже, шорохи беды
вновь за окном моим.
Ко мне, ко мне ее следы,
их бег неумолим.*

*Не совладав с собой, рывком
я распахну окно.
Что в эту ночь меня влекло,
что содрогнуло дом?*

*Шуршит тревожная листва,
высокий холод — зрим:
на землю падает звезда...
И свет, и мрак за ним.
(Стихотворение «Весть»)*

Что же ты говоришь нам, поэт Валерий Кулешов? О чем предупреждаешь в своих стихах, куда зовешь? Что же принесет нам твоя падающая с неба звезда? Какие «огневороты»? Трудно узнать об этом читателю, почти невозможно, остается лишь догадываться.

В 1976 году Валерий Кулешов приступил к написанию своей знаковой поэмы, над которой работал четыре года с шестилетним перерывом. В общей сложности — десять лет! Не побоюсь сказать, что «Зов» — очень серьезное произведение, и свидетельство тому — его многоплановость, его глубина. Поэма несет в себе звучание вечных и, в то же время, — страшных тайн, к которым непременно, в той или иной степени, должно прикоснуться человечество. «Зов» — это голос из будущего, и хотя он уже нашел положительные отклики многих читателей, критиков и литературоведов, но, к сожалению, эта поэма еще не оценена по достоинству современниками.

*Ничто не происходит вдруг
на почве болевой,
нам вечно двигать этот круг,
незримый, огневой.*

*Тем шире он, чем боль больней,
и, звездам в унисон,
вглубь нераспаханных полей
родимую несем.*

*Нам нашей боли не избыть,
власть круга не разнять.
Ловлю в тени слепой избы
хрип бледного коня.
(из поэмы «Зов»)*

Задумался: а ведь все это мне знакомо... Вспомнил — это же Евангелие — «Откровение Святого Апостола Иоанна Богослова» (Апокалипсис). Это же там —

бледный конь, имя которому — Смерть! Это же там упала с неба звезда, имя которой — Полынь, что означает — Чернобыль. Это же в Чернобыле заросшие травой, почитай — нераспаханные, поля и пусты, почитай — слепые, избы...

Так что же хотел сказать Валерий Кулешов в этих строках? О чем предупредить нас?

Напомню, поэму «Зов» он закончил писать 11 марта 1986 года, а 26 апреля того же года — произошла авария на Чернобыльской АЭС. Что это — мистика? Или сбывшееся пророчество автора? Неужели ему удалось услышать Апокалипсис, а написанные в нем пророчества — изложить в поэтической форме: пережив в себе, и заново, но уже по-своему, их зашифровав?

Вопросов много. Я думаю, что точного ответа мы так и не узнаем. Сам Валерий Владимирович об этом не рассказывает — видимо, есть на то причины, а нам только и остается, что самим искать правильные ответы...

Удивительно, поэма «Зов», а правильное было бы сказать — пророчество Валерия Кулешова, остроактуальна и сегодня. В мире вновь неспокойно: объявил войну терроризм, поднимает голову недобитый в сорок пятом году фашизм, нависла угроза ядерной войны. Сегодня руководители некоторых стран, да и простые люди тоже, словно ослепли. Они словно не видят, в какую пропасть хотят столкнуться себя и все человечество. Таким слепцам и посылает Валерий Кулешов свой «Зов».

*Ничто за мной не пропадет,
другого боль пронзит,
созрев. Туда мы все идем,
куда нам совесть зрит.*

*Рассудят нас огонь и свет,
начало и конец.
В следах восставший горюцвет
не растопчи, слепец.*

*Лишь зубы обломав, узнать,
восторг глотнув и грусть:
не развязать того узла,
что завязала Русь.*

Один из читателей сказал следующее: «Не знаю, о чем эта поэма, но после ее прочтения я не спал всю ночь...». Согласен с ним. Я тоже не знаю, о чем в целом «Зов», но когда я его читаю, меня всегда охватывают какие-то тревожные предчувствия.

Впрочем, наверное, и не нужно задаваться вопросом: о чем «Зов»? Здесь, на мой взгляд, уместен другой вопрос: для чего эта поэма появилась на свет? Однозначно ответить сложно и на это, но понимаешь, что не только для того, чтобы наслаждаться ее прочтением. Уверен, все-таки для чего-то другого — большого, особенного, главного.

Да, тугие узлы завязал Валерий Кулешов — не развязать!..

Беседа Геннадия Маркина с Валерием Кулешовым:

— Валерий Владимирович, во-первых, от лица редколлегии журнала и от себя лично поздравляю тебя с присуждением звания лауреата литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2017 год в номинации «Поэзия». Во-вторых, мне очень приятно, что именно ты, давний автор и друг нашего журнала, стал

лауреатом этой премии. В-третьих, хочу сообщить нашим читателям, что мы с тобой знакомы давно, относимся друг к другу по-дружески, а потому будем обращаться друг к другу на «ты». Валерий Владимирович, расскажи о себе.

— Спасибо за поздравление. И давай договоримся: дальше — без отчеств. По именам, добро?

— *Давай без отчеств, нам так привычнее.*

— Теперь — о себе. Правда, в нашем случае, Геннадий, твой собеседник если и заслуживает внимания, то, прежде всего, как стихотворец. Помнишь, у Маяковского: «Я — поэт. Этим и интересен...»

Так вот: первые пробы стихосложения — лет в восемь. Поэзией там, судя по всему, и не пахло, потому в памяти от этого опыта и не осталось ничего. Следующая попытка — в стержневом шестьдесят шестом: окончание школы, Липецкий тракторный завод, любовь, которая, как оказалось, на всю жизнь... Тут уже просматривалось что-то серьезное. Только я все равно большого значения тем стихам не придавал. И лишь шестьдесят девятый год — все перевернул. Но об этом — отдельный разговор.

— *Хорошо, поговорим о другом. В первом номере журнала за 2012 год была опубликована твоя поэма «Зов», которая, по мнению большинства наших читателей, была лучшей поэтической публикацией за год. Однако, члены жюри тогда отдали предпочтение другому поэту. И вот теперь, спустя пять лет, за цикл стихотворений «Персоналия», ты удостоен звания лауреата. Скажи, пожалуйста, не обидно, что награда так долго искала своего «героя»?*

— Да о чем ты, Гена?.. Предложив тогда эту вещь к публикации, я хотел, всего-навсего, лишний раз убедиться, что «Зов», спустя и четверть века, — звучит. Ни о чем другом я и не думал.

— *Ну, и как — убедился?*

— Вполне. И это ли не главное? А за премию, конечно, спасибо: и всему редакционному коллективу, и читателям журнала, с пониманием откликнувшимся на мои стихи.

— *Знаю, Валера, что в 2016 году ты участвовал в ежегодном фестивале «Бунинские Озерки», который проходит у тебя на родине — в Становлянском районе Липецкой области. По его итогам твои стихи были напечатаны в столичном журнале «Юность». Расскажи об этом подробнее.*

— Да что рассказывать... Удался фестиваль: и участниками его были люди интересные, и земляки мои гостей принимать умеют. Так что добрую дань памяти первого русского Нобелевского лауреата отдали. А для меня важным оказалось знакомство с главным редактором «Юности» Валерием Дударевым и другими членами редколлегии: Игорем Михайловым, Марианной Дударевой. Похоже, мы друг друга услышали и поняли.

— *Это значит, что творческое сотрудничество с журналом «Юность» у тебя продолжается?*

— Надеюсь, что да. Жду в ближайших номерах публикацию новой подборки стихотворений.

— *Такое отрадно слышать. Но ведь это твое не первое знакомство со столичной литературной элитой. Ты знаком с ней уже давно, с той поры, когда был студентом Литературного института имени Горького. Расскажи об этом периоде своей жизни.*

— Озадачил ты меня, Геннадий: очень не простой она была — та жизнь. Достаточно сказать, что учеба моя в Литинституте растянулась на целых тринадцать лет. Тут, как ни крути, все-таки придется вернуться в далекий шестьдесят девятый год.

— *И что же случилось тогда?*

— А произошла по-своему знаковая встреча. На старый Новый год случилось оказаться в одной интересной компании в писательском доме на Малой Грузинской. Помимо хозяина квартиры, Николая Марковича Микавы, были еще Отар Чиладзе — уже достаточно известный тогда поэт и прозаик, Георгий Садовников, в будущем — автор сценария к популярному и сегодня фильму «Большая перемена», ленинградский актер Владимир Рецептер, приехавший в Москву со своим нашумевшим моноспектаклем по «Гамлету». А также еще несколько литераторов и, странным образом, — мы с Сашкой Бухтояровым, студенты энергетического института. Вот тогда мне и пришлось впервые прочесть свои стихи перед профессионалами.

— *И как, не боялся осрамиться?*

— Мандраж, конечно, был, не без этого. Да только деваться мне было некуда: представили-то меня — как молодого поэта, на которого я в ту пору — ну, никак не тянул. К своему изумлению, немало добрых слов я в ответ услышал, что было, явно, незаслуженным авансом. Прозвучало впервые и это — «Литинститут». Так что случилось тогда пробуждение.

— *Понятно. Но, насколько я знаю, поступил ты туда гораздо позже. Не отваживался: мол, куда мне, парню из провинции?*

— Не в этом дело. Желание было огромное, как, впрочем, и понимание того, что идти мне в творческий вуз, в общем-то, не с чем. Важно другое: я стал писать стихи, продолжая по инерции учебу в технических вузах — в Москве, потом в Липецке. И лишь во время армейской службы твердо решил: после — лишь Литинститут. Что и произошло в семьдесят четвертом году.

— *Как-то в разговоре ты заметил, что учеба твоя в Литинституте проходила сложно. Почему так? Почему пришлось его на время бросить?*

— Коротко тут не ответишь. Но если выделить главное, то оно заключалось, прежде всего, в остром противоречии между ощущением своего потенциала и невозможностью на тот момент в достаточной мере его реализовать. Понимаешь, мне душу как бы распирало изнутри, а выхода — по-настоящему не было. Отсюда — теснота мест, где жил и работал.

Это много позже я понял, что то была не пространственная, а временная теснота. Во времени — вот где по-настоящему было тесно. Не помогал и алкоголь: ни количеством, ни качеством застолий. В том числе — и в известном уже тебе доме на Малой Грузинской...

— *Значит, с именитыми на тот момент советскими поэтами и писателями, чайку попил?*

— Было дело. Правда, больше с людьми «простыми», и если бы только чайку... Так что расставание с Литинститутом было неизбежным. И это несмотря на то, что к тому времени уже были написаны стихотворения, за которые мне не стыдно и сегодня: «Корни», «Весть», «Сумеречная баллада», «...когда же теплая прохлада...», явившееся прологом в «Зов». Не остановили и добрые отношения, которые, к взаимному удивлению, сложились с руководителем творческого семинара Сергеем Александровичем Поделковым. Позже понял и другое: «За каждую строчку — расплата, // по полной — расплата судьбой...». Не обессудь, если и дальше буду ссылаться на собственные стихи. Так, думаю, убедительней.

— *И что же тебя побудило вернуться в Литинститут? Ведь прошло ни мало, ни много, — семь лет после того, как ты его бросил?*

— А как я его мог обойти, возвращаясь к себе? Если учеба в нем — часть пути? Об этом более точно в «Зове»:

*Из точки вышли все пути,
а в точку по судьбе*

*нам суждено один пройти
путь: от себя — к себе.*

Собственно, я и не бросал свою альма-матер: твердо знал, в отличие от всех моих близких и друзей, что так — расстался на время... Подтвердил это и серьезный разговор с Поделковым, который горячо одобрил мое стремление именно тогда вернуться, пусть и не в его семинар. В багаже у меня уже были такие стихотворения, как «Власть огня», «Услышу ветер — и заплачу...», «Любовь», «Няня», «Мне снилось — умирает мать...», «Гром», «Русь».

Возвращение же это, благодаря легендарному ректору «Лита» Владимиру Федоровичу Пименову, прошло удивительно просто, естественно, как-то даже по-домашнему тепло.

— Ты много лет отдал журналистике, работал в различных газетах, причем, не литературных, в комитете печати администрации Тульской области. Скажи, пожалуйста, журналистика, а тем более журналистское чиновничество, не мешало твоему поэтическому творчеству?

— В Литинституте среди студентов-заочников, а учился я именно на этом отделении, бытовало мнение, что газета — «сушит мозги». Так и говорили друзья-товарищи: беги из газеты! Не знаю, кому как, а мне журналистика не мешала. Скорее, даже помогала.

— Валерий, я знаю, что на эту тему ты разговоры вести не любишь, но не спросить об этом я не могу. А вопрос звучит так: «В чем особенность твоих стихотворений?» По моему мнению, она заключается в их загадочности, в какой-то зашифрованности. Чтобы понять твои стихотворения, читателю необходимо проявить определенные и умения. Подскажи, пожалуйста, нашим читателям, где им искать тот самый заветный зашифрованный ключ к твоим произведениям?

— Вот известное тебе стихотворение:

* * *

*Лучшую песню оставишь ей,
чуда коснувшись прежде:
вновь на земле оттаявшей
всходит — надежда.*

Знаю, что ты разглядел здесь весну. Все правильно. Однако, многие не видят и этого, не говоря уже о другом, более глубоком. Чья эта «песня»? Кто кому ее оставляет? Что это за «чудо»? Что за «надежда»? О чем, наконец, все это? На такие вопросы ответ находится не сразу. Отсюда — непонимание, даже — раздражение упомянутых читателей. А ведь все — очень просто: достаточно найти тот самый «ключик». Ключевое слово. В данном случае — несколько таких слов. Тогда все становится понятным: что это, в целом, — о жизни, о ее песне, даже если «поет» ее лирический герой. О том, что надежда, вопреки общепринятому, не умирает последней. Вообще — не умирает.

Вот так: на полутонах, на смысловых оттенках, пытаюсь использовать все многообразие слова, дерзнув иногда приблизиться к его изначальному смыслу, я и стараюсь создавать образы своих стихотворений. Причем, все это делается — интуитивно.

Не знаю, прояснил я что-то, или, наоборот, — запутал. Но ведь, согласись, совсем не мое это дело — толковать свои стихи. Дай, Бог, чтобы удавалось их слагать.

— Возьмем твою поэму «Зов». Я лично в ней увидел зашифрованные сведения

о будущем, например, о Чернобыльской катастрофе, о развале страны. Даже расстрел из танков Белого дома увидел.

— Хочешь сказать, что подобрал ключик к «шифру»? (*смеется*).

— *Да, мне повезло в этом отношении.*

— Это ты так рассуждаешь уже после произошедших ключевых для страны событий, притягиваешь их к моим стихам, не более того.

Но если серьезно, то ничего не могу сказать о танках, однако образ пустых сапог («*Пустые месяц сапоги // бывлых хозяев плоть...*») и меня самого, даже сегодня, обжигает. На Чернобыль же в «Зове» первым указал Владимир Дмитриевич Цыбин. Замечательный поэт, мудрый наставник, — он вообще меня понимал, как никто другой. Куда лучше, чем я сам. Безмерная благодарность и светлая память ему...

Скрывать не буду, предощущение большой беды («*Ловлю в тени слепой избы // хрип бледного коня...*») к завершению поэмы — только нарастало. А 26 апреля 1986 года — это уже удар. Верить, волосы на голове поднялись. Того коня мне, увы, остановить не удалось...

— *Но ведь все прекрасно понимают, что такое на пустом месте не придумаешь. Валерий, ответь, только честно: что это — мистика или пророчество?*

— Не знаю, Геннадий. И давай не будем об этом. Ясно другое: «Зов» вместил в себя столько, что многое, по-настоящему, открывается лишь сегодня. Во всяком случае, для меня.

— *Что ж, не хочешь говорить — не говори. Но что же тебя подвигло на написание такой многозначной поэмы, как «Зов»? Трудно ли было над ней работать?*

— Хранится у меня интересная папочка в два пальца толщиной, тесемки на которой я завязал 11 марта 1986 года. Завязал — и больше не развязывал. А на донышке ее — листок, на котором расписана вся структура «Зова», как я увидел ее в ночь на 18 декабря 1983 года. И самое интересное, что все по этой структуре и выстроилось: и «Сны», и «Яви», и «связки» между ними — вплоть до числа строк. Как так получилось — не знаю. А папку — не развязываю: боюсь. А вдруг — и не было того листочка, вдруг все — привиделось мне, вдруг — не со мной это было?..

Слагался же «Зов» — по зернышку, по крупичкам — в каком-то полутрансе. Я одного боялся: не угодить бы под машину, потому что вход в такое состояние происходил всегда неожиданно. И вернее всего это удавалось в автобусах по пути в Тулу и обратно (работал я тогда в многотиражке «За инженерные кадры» Политеха). Можно сказать, что «Зов» вытянут на маршруте «Щекино — Тула». Вот и суди: каково было для меня и моих близких это время длиной в два года и три месяца.

— *Вернемся к перестройке, дальнейшему развалу страны, картины которых я увидел в «Зове». Некоторые клянут те времена, другие превозносят. Ты с кем — с первыми или со вторыми?*

— Хочешь сказать: с «красными», или с «белыми»? С народом, Геннадий. Как бы громко это ни звучало. А он у нас — удивительный. И, поверь, чистых, светоносных людей — куда больше. Я это точно знаю. Так было, так есть, и так, уверен, будет. И доброго здоровья тем, кто с нами, и светлая память тем, кто ушел.

А посему:

Что делать?..

Отчий край, — ответь.

И отзыв — вдалеке:

— Как прежде,

Песнь родную петь

на русском языке.

— У тебя есть стихи, в которых ты упоминаешь и о падающей с неба звезде, и о бледном коне, и о слепых домах, и о горячей мертвой воде. На мой взгляд, во всем твоём творчестве прослеживается Евангельская направленность. Как ты считаешь, можно ли твоё творчество назвать христианским?

— Я его так никогда не определял. Хотя, если вспомнить «Голос»... Не знаю, со стороны — видней.

— А вообще, по твоему мнению, какая литература более соответствует христианским ценностям, современная или советская?

— Настоящая.

— То есть, в современной литературе христианские традиции сохранены?

— Если это подлинная, истая литература, созданная на русском языке, то христианство — везде. Впрочем, несет она в себе и голос иных, куда более древних верований. В том числе — язычества. («Мы — звездные корни...»).

— А как ты оцениваешь современную поэзию, да и вообще современную литературу в целом?

— Если честно, то я ее плохо знаю. Так уж получилось по ряду причин. Из того же, с чем знаком, то большинство из написанного стихами мне просто не интересно. Вторичность, перепевы, отсутствие подлинных поэтических открытий... Много суеты, легкомыслия, чего я вообще не приемлю.

А ведь есть они — поэты. Не может их у нас не быть: родной язык не позволит, какое бы время на дворе ни стояло. Живут себе — вдали от столиц... Немного их, но они — есть. Просто их мало кто сегодня знает. Как до недавнего времени в липецких краях жила и творила Людмила Парщикова... К великому сожалению, нет ее с нами, но стихи — остались.

— А как же знаменитое пушкинское: «Поэзия должна быть глуповатой»?

— Но и здесь — о том же самом. О том, что поэзия не должна быть рассудочной, она есть то — что не из головы, а из сердца, не от разума, а от чувств, не столько от знания, сколько от интуиции. В самом верном случае — она исходит от пра-чувства и от пред-чувства одновременно, от их воссоединения. В итоге проявляется То, что стоит над чувством. Непонятно излагаю? Тогда так:

* * *

Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.

Но, заметь, все это — мои личные правила и законы. Потому об этом и говорю, никому ничего предлагать не собираюсь.

— На твой взгляд, писатели продолжают оставаться «инженерами человеческих душ»?

— Я это определение не очень люблю. Думаю, писатель призван способствовать очищению.

— В феврале месяце 2017 года в Москве пройдет очередной съезд Союза писателей России. Что ты от него ждешь? (интервью готовилось в январе 2018 года. Авт.)

— Мало хорошего. И рад буду ошибиться.

- **Что бы ты хотел пожелать нашим читателям?**
— Многое... и своим — тоже. А можно стихи?
— **Конечно, с удовольствием!..**
— Тогда эти:

* * *

*Махнув рукою на себя,
я песнь мою вспугнул...
(из поэмы «Зов»)*

*Все верно.
Снова жизнь — не жизнь,
а так — худой мешок...
Но коли посох цел — держись,
хватав на посошок.*

*Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.*

— **Спасибо, Валерий, за честную беседу и за прекрасные стихи. Творческих тебе успехов!**

На фото: поэт Валерий Кулешов, зав.отделом прозы Г. Маркин и зав. редакцией журнала М. Баланюк во время церемонии вручения диплома лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

УМЕЙТЕ ЖИТЬ И УМЕЙТЕ ВИДЕТЬ

Интервью с поэтом и прозаиком Ефимом Гаммером

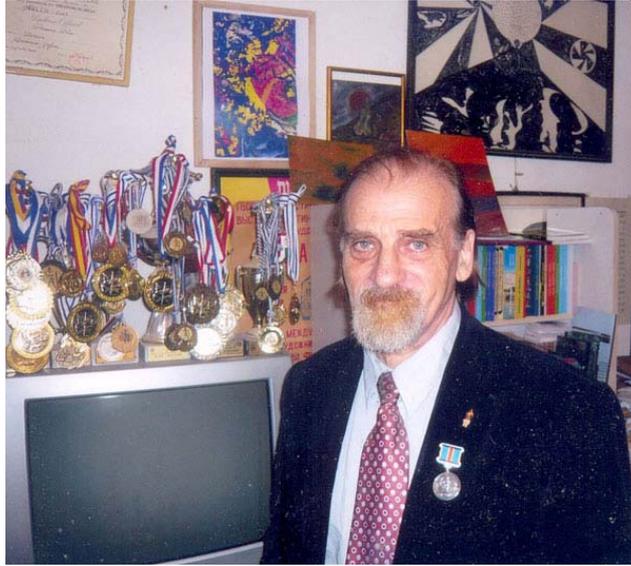
Ефим Гаммер (слева) в бою за звание чемпиона Иерусалима

— *Ефим, вы, наверное, единственный в мире поэт, который еще и чемпион по боксу. Разве такое бывает?*

— Да еще как бывает! Великий английский поэт Джордж Байрон, несмотря на хромоту, был отличным кулачным бойцом. А наш Пушкин? И Александр Сергеевич тоже увлекался этим видом спорта. Вот что вспоминает Вяземский-младший об уроках бокса, преподанных ему, тогда семилетнему мальчику, автором «Евгения Онегина»: «В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать». Не хуже Пушкина, полагаю, боксировал и Хемингуэй. А если заглянем в древние времена, то на олимпийском пьедестале почета увидим великого геометра Пифагора. Из его учения помним: «Пифагоровы штаны на все стороны равны». А то, что он олимпийский чемпион древности по боксу, узнаем с большим опозданием, только сейчас. Но лучше позже, чем никогда. Так что бокс совместим с творчеством, вернее, является его составляющей. Была бы охота совмещать. А для этого нужна не только работоспособность, но и сила воли, и, само собой, талант. Да, талант, как в искусстве.

— *Когда вы осознали себя именно детским поэтом? Как это произошло?*

— Еще в молодости. Казалось бы, взрослеем-взрослеем, получаем аттестат зрелости, потом диплом университета, женимся, а детство никуда не уходит. Оно в нас вросло, казалось бы, навечно. И проявляет себя раз за разом, если не в зеркале, когда корчишь рожи, которые уже в морщинах, так в строчках. К тому же с молодых лет, понимая, что творческий потолок каждого человека отнюдь не столь высок, как небесный, я создал для себя понятие «творческая спираль». Переходя, как бы по витку, от одного вида искусства к другому, поднимаешь свой творческий потолок намного выше, чем он был прежде. Особенно четко это прослеживается в моей литературной работе, в ее жанровом разнообразии: проза, стихи, юмор, сказочные и фантастические повести.

Ефим Гаммер у своих творческих и спортивных наград

— *Чем вы мечтали заниматься в детстве?*

— Вначале хотел стать астрономом, чтобы первым увидеть звездных пришельцев, которые спускаются на космическом корабле на Землю. А началось все с солнечного затмения. Солнечное затмение, обещанное в 1952 году по радио, мы увидели воочию точь-в-точь в указанный диктором день и час. Но предварительно, чтобы увидеть его во всей красе, коптили стеклышки, через которые доступно было смотреть на солнце. Невооруженными глазами на него не посмотришь, не то, что на звезды. К тому же можно ослепнуть и ничего приличного при этом не увидеть. Звезды совсем другое дело, да и не так далеки, как солнце. В особенности ночью, на балконе, если взобраться на табуретку.

Меня уже записали в первый класс. Мне уже купили букварь и родную речь. Мне уже при ознакомительном посещении учительница задала самый важный в жизни вопрос: — Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

До солнечного затмения я сказал бы: Иваном Царевичем, чтобы сразиться с Кашеем Бессмертным. А после солнечного затмения я сказал то, что было на уме у любого мальчишки нашего двора: — Астрономом.

Учительница ласково улыбнулась, приветствуя мое похвальное желание, и посоветовала хорошо учиться. Разумеется, я собирался хорошо учиться. И еще до 1 сентября 1952 года стал готовить себя в астрономы. Как только начинало смеркаться, выходил к окну, чтобы наблюдать за звездами. Это никому не мешало: мало ли чем занимается малец, главное, не шумит, не играет в войну и не бегаёт с деревянной саблей по квартире как оглашенный. Но однажды я припозднился. Взрослые собрались идти спать, а я двинул к окну.

— Куда тебя понесло? — спросил папа.

— Смотреть на звезды.

— А зачем тебе ножик?

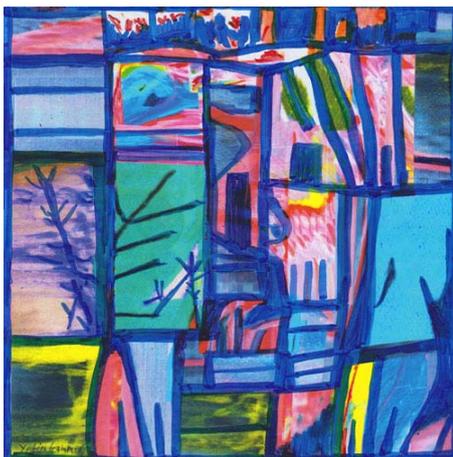
— Чтобы отковыривать звезды от неба.

— Брось эти свои ночные забавки.

— А как я иначе стану астрономом?

— Ладно, — согласился папа. — Лучше становись астрономом, чем в советское время Иваном Царевичем. И помог мне придвинуть к подоконнику табуретку.

Я не совсем понял, что имел папа в виду, когда отсоветовал мне становиться Иваном Царевичем. И при чем здесь советское время? — тоже не понял. Но потом, когда смотрел на звезды, догадался: лучше быть детским писателем и сочинять сказки, чем самому жить в сказке. Почему? Это не секрет, охотно поделюсь: жить в сказке, как ни хоти, никак не получится, потому что жизнь — не сказка. А сочинять сказки можно и в реальной жизни, и они от этого будут не менее волшебными, если, конечно, есть фантазия и тяга к творчеству.

Картины Ефима Гаммера — рапидограф, фломастер-кисть, тушь

— Писали ли вы в детстве стихи или прозу? Случались ли у вас разочарования в своем творчестве? С чем они были связаны?

— Первое стихотворение я написал в 12 лет, сразу же, как нас оповестили о запуске первого искусственного спутника Земли. Это была такая эйфория, трудно передать. Представлялось, сегодня — спутник, завтра ракета, и летим на Марс, а там братья по разуму и Аэлита. Что делать? Надо записываться в космонавты. Я побежал в ДОСААФ, чтобы выяснять, где записывают в космонавты. Но мне объяснили, что могут записать только в группу подводного плавания с аквалангом, но еще не сейчас, а после шестнадцати лет. Ну и дела! В кино, где герои целуются, не пускают до 16 лет, в аквалангисты тоже. И самое поразительное, на газетную полосу тоже нельзя.

Стихотворению, как говорится, было далеко до Пушкинских образцов. Вот тут и могло наступить разочарование. Но я бросился в бокс, и мой творческий потенциал ушел в кулаки, не давая возможности расслабиться и впасть, как говорят взрослые люди, в депрессию. Наоборот, мои противники впадали в удрученное состояние, видя, как после боя судья поднимает мою руку в черной перчатке в знак победы. К пятнадцати годам я оброс чемпионскими титулами, и тут во мне проснулся поэтический импульс. С его помощью я и выдал маленькое стихотворение, которое и сегодня можно опубликовать в детском сборнике.

*Так хочется кататься
На лыжах, на коньках,
С девчонкою промчатся,
Как ветер на катках.
Летим мы, как бесята,
Едва касаясь льда.
От счастья, что ты рядом
Кружится голова.*

С тех пор стихи, а потом и проза стали составными в моей жизни. И где бы я ни был — в армии, на ринге, в арктическом плавании, журналистских розысках свидетелей взрыва тунгусского метеорита в Сибири, зарубежных поездках — они со мной. И мне не изменяют. А это — главная радость, затушевывающая любое разочарование, если оно и появлялось в прошлом, допустим, из-за того, что в Советском Союзе мне предлагали изменить фамилию на русский манер, добавив спасительное окончание «ов», чтобы можно было успешно печататься в советских журналах 60-70 годов. Я этого не делал, и не жалею до сих пор. Сегодня печатаюсь по всему миру, никак не изменяя фамилию. В Израиле, США, Франции, Канаде, Англии, Дании, Финляндии, Латвии, где жил до отъезда в Израиль, и по всей России — во многих литературных журналах от Москвы и Санкт-Петербурга до Урала, Сибири, Дальнего Востока. Картины мои выставляются в Израиле, США, Франции, Канаде, Германии. И кстати, никак мне не помешало сегодня, не изменяя фамилии на русский лад, войти во всемирное издание справочника КТО ЕСТЬ КТО, издающемуся в России.

— **Какой совет вы можете дать юному поэту или писателю, который переживает период разочарования в себе самом? Что ему нужно сделать? И чего — не делать?**

— Самый лучший совет — это не давать никаких советов. Литературное дарование, если оно есть, само проявит себя. И никуда не денешься, вырвет из разочарования, и будешь писать, как миленький. Но что писать? В этом и заложено «быть или не быть — вот в чем вопрос». Каким-то образом нужно себя подготовить к обретению таланта — Божьего дара — этому подарку судьбы. Представьте себе человека, которому ужасно хочется написать замечательную книжку, а он не знает о чем. А это происходит, если у него нет никакого жизненного материала, чтобы взять перо и вывести первую строку.

Отсюда — главное: умейте жить и умейте видеть. То, что отложится в вас, в будущем станет строительным материалом ваших произведений. И если сегодня вас не печатают, завтра, помните, наступает новый день. А утро вечера мудренее. Значит? Все верно. Завтра вас напечатают. Правда, если сегодня вы не били баклуши, а что-то стоящее написали.

Вопросы задавала Ольга Козэль